

© 1996 г., ЭО, № 3

И. Л. Б а б и ч

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ГОСТЕПРИИМСТВА У КАБАРДИНЦЕВ (середина XIX—XX вв.)

Большой интерес для этнографа представляет изучение тех институтов обычного права, которые играли наиболее существенную роль в регулировании общинного быта народов в эпоху, когда не было государственных законов и государственного обеспечения жизни и имущества людей. К таким социальным институтам относится и традиция гостеприимства. Зародившись в прошлом, эта традиция в процессе исторического развития подверглась глубоким изменениям, но позже не потеряла своего значения, оставаясь важным элементом в системе межличностных отношений.

Известно, что этот социальный обычай, в той или иной степени свойственный всем народам, воспринимался как одна из величайших добродетелей и соблюдался неукоснительно, с особой тщательностью. Различия в бытовании этой традиции заключались, главным образом, в его конкретных проявлениях, т. е. формах. В предлагаемой статье рассматривается кабардинское гостеприимство, как одно из многочисленных проявлений разнообразия бытования института гостеприимства у народов мира*.

Кабардинское гостеприимство, как впрочем, и в целом кавказское, давно интересовало исследователей как одна из самых примечательных традиций, бытующих на Кавказе. По этой теме вышло много значительных работ: В. К. Гарданова «Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов в первой половине XIX в.», Г. Х. Мамбетова «О гостеприимстве и застольном этикете адыгов», А. И. Мусукаева «Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев». Во многом этой традиции посвящена монография Б. Х. Бгажнокова «Адыгский этикет» и его статьи: «Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов», «Организация пространства и этикет». Интересы ученых фокусировались на различных сторонах кабардинского гостеприимства, однако все же наибольшее внимание исследователей было приковано к проблеме исторической эволюции адыгского, в том числе и кабардинского, этикета. Этот аспект функционирования гостеприимства изучался детально, на основе полевых этнографических материалов ученых.

На более широком кавказском материале проблемой бытования института гостеприимства занимались М. А. Меретуков (имеется в виду работа «Гостеприимство у народов Северного Кавказа») и Ю. Д. Анчабадзе (статья «Прекрасный обычай гостеприимства»). Отметим и исследование Ю. В. Ивановой, которое представляет, в целом, значительный интерес, а именно: «Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа». Работа посвящена сравнительному изучению эволюции института гостеприимства в

* Автор не ставил перед собой цель всестороннего изучения данного института, а лишь пытался заострить внимание на постановке проблемы эволюции кабардинского гостеприимства. В статье не затронуты некоторые важные аспекты гостеприимства, например, ритуальный статус гостя как дарителя благ из потустороннего мира, особенности гощения женщин, детей, группы мужчин и группы женщин и т. д. См. также: *Бабич И. Л.* Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995.

двух, хотя и отдаленных друг от друга регионов, но имеющих сходные историко-этнографические черты: горных районах западной части Балканского полуострова и Кавказа. Автор, опираясь на записи обычного права, прослеживает развитие института гостеприимства от его архаических форм до модификаций современности¹.

Наличие достаточно интересных исследований по этой теме не освобождает от постановки целого ряда проблем, которые до сих пор либо вообще не были подняты, либо решены в самом общем виде. Чрезвычайно важен, на наш взгляд, следующий вопрос: имело ли место в изучаемом обществе дифференцированное отношение к гостям? И если да, то по каким критериям оценивали гостей? Исследователи кабардинского гостеприимства, к сожалению, этому обстоятельству уделяли недостаточное внимание. Зачастую ими вскользь упоминалось о некотором различии в кабардинском обществе в отношении к гостям. Причем, в ряде случаев исследователи предпочитали вовсе не акцентировать свое внимание и внимание читателей на различиях между гостями. Обычно писалось, что «гостеприимство оказывалось всякому» — и в этом виделось главное достоинство кабардинского гостеприимства. Например, В. К. Гарданов следующим образом описывал бытование института гостеприимства у кабардинцев в XVIII—XIX вв.: «Обычай гостеприимства распространялся не только на знакомых и друзей хозяина, но и на всякого путника», и лишь затем попутно замечал: «Незнакомому путника принимали проще»². А. И. Мусукаев, указывая на существование в прошлом категорий гостей, отмечал, что «..в любом случае в церемониале приема только по незначительным оттенкам, и то касающимся строгости и официальности выполнения всех нюансов традиции гостеприимства, можно было определить, близкий или посторонний человек в кунацкой хозяина»³.

Между тем, есть достаточные основания считать, что у кабардинцев во второй половине XIX в. существовала вполне закрепившаяся дифференциация гостей и вряд ли правильно упрощать проблему. Некоторые исследователи, не ставя перед собой задачу специального рассмотрения этого вопроса, нащупывали подобное различие и, изучая другие аспекты института гостеприимства, затрагивали его отдельные критерии.

Так, Г. Х. Мамбетов делил гостей на случайных (незнакомых), по-кабардински называвшихся *хьэцц|эцц хьэцц|э*, и знакомых лиц, по-кабардински *унэ хьэцц|э*. Первые — принимались в кунацкой, а вторые — в доме хозяина⁴. Исследователь, таким образом, выделял один из критериев поведения кабардинцев — наличие родственных или дружеских связей между гостем и хозяином. Х. С. Кушхов делит гостей на тех, кто приехал по делам («проходящий гость») и тех, кто специально приехал погостить («золотой гость»). Вторые ценились больше. Этот автор выделял еще один критерий — «деловой», по которому «почетность» гостя зависела от цели его поездки⁵.

А. И. Мусукаев выделяет 5 категорий гостей, а именно: а) гости, приехавшие впервые, незнакомые (по-кабардински *узълэмплъга хьэцц|э*), б) гости, приезжавшие редко (*пщыр зэрхьэрбей мяхьу*), в) гости из дальних краев, г) гости-кунаки, знакомые, бывавшие в этом доме и раньше, родственники, д) случайные путники⁶. Как представляется, данная классификация не до конца продумана, например, гости из дальних краев могут быть редкими, случайными и даже кунаками. Далее, при описании этикета приема гостей, А. И. Мусукаев вводит еще три критерия — возрастной, сословный и личностный, которые оказывали определенное влияние на характер приема гостя⁷. Б. Х. Бгажноков выделял 4 критерия, по которым в прошлом определялась «почетность» гостя: а) отдаленность места, откуда прибыл гость, б) возраст гостя, в) личные качества гостя, г) высокий сословный статус гостя. Первый критерий можно считать основным, остальные — факультативными⁸.

В предлагаемой статье предпринята попытка дать характеристику исторической эволюции форм приема гостей в кабардинском обществе со второй половины XIX в. до современности. Избранный способ рассмотрения данного института

выводит еще на один, ранее не рассматривавшийся аспект исследования, на вопрос взаимосвязи различных факторов при установлении степени «почетности» гостей.

Так как недостаточно четко выявлены факторы, влиявшие на «почетность» гостей, в научной литературе до сих пор отсутствует и описание иерархии приемов различных гостей. В упоминавшихся выше исследованиях по кабардинскому гостеприимству чаще всего смешиваются понятия «тип гостя» и «тип приема гостя», что на самом деле не одно и то же. Поясним свою мысль. Подобные описания мы находим в работах Г. Х. Мамбетова, В. К. Гарданова, Б. Х. Бгажнокова. Между тем следует отметить, что у кабардинцев имелось всего лишь несколько «типов приемов гостей» и множество «типов гостей». Понятие «тип гостя» будет использовано в статье для характеристики гостя с определенным набором первостепенных и второстепенных характеристик «почетности». Под «типом приема гостя» автор понимает определенные этические нормы поведения по отношению к гостям нескольких типов.

* * *

Итак, рассмотрим критерии, по которым определялась «почетность» гостя в Кабарде.

Отдаленность места, откуда прибыл гость. Оставленные различными путешественниками подробные описания того, как их лично принимали в кабардинском (или другом адыгском) обществе, показывают, что иностранцы являлись чрезвычайно почетными гостями. Мы имеем в виду описания де Лукка и М. Броневского, сделанные в XVII в., сведения Анри де ля Мотрэ, К. Главани и Феррана, относящиеся к XVIII в. В XIX в. многие путешественники или ученые описали оказанный им лично «почетный прием», например, описания Дж. Лонгворта, Я. Д. Вышеграда, Е. Л. Вердеревского. Тебу де Мариньи, побывав у причерноморских черкесов, указывал, что адыги хорошо питались только в двух случаях: «по случаю приезда иностранцев или в дни праздников»⁹.

По моим полевым этнографическим материалам прослеживается четкая взаимосвязь между характером приема гостя и степенью отдаленности места, откуда он прибыл. В кабардинском обществе наибольшим почетом пользовался гость, прибывший из далеких краев. «Дальние гости», называвшиеся по-кабардински *жыжьэ кэик|а хьэцц|э*, делились по степени отдаленности места, откуда прибыли, на три категории. К первой категории относились «гости из других стран», называвшиеся по-кабардински *хамэ хэке кэик|а*, ко второй — «гости, переехавшие через 3, 5, 7 или 9 рек» — *псицц, спибл, псиньу кэик|а хьэцц* (иногда вместо количества рек имело значение, с какой именно реки приехал гость: гости с Терека, Урвани, Черема пользовались особым почетом), к третьей категории — «гости из других селений» — *нэжьэцц кэуажь кэик|а хьэцц|э*¹⁰. Самыми почитаемыми при прочих равных условиях были гости из других стран. При определении почетности «дальнего гостя» учитывалось и то, с какой именно стороны он прибыл. «По кабардинским представлениям, — отмечал Б. Х. Бгажноков, — верховье рек считалось более почетной стороной, чем низовье. По-кабардински почетная сторона называлась *ипццэ*, а противоположная — *иццхьэрэ*. Гость, прибывший со стороны «ипццэ», при прочих равных условиях считался более почетным, чем гость с какой-либо иной стороны»¹¹.

Сословный статус. О почете, оказываемом знатым людям, писал в начале XVII в. Э. д'Асколи¹². Влияние сословного статуса на «почетность» гостя отмечалось и позднее, вплоть до XIX в.: чем знатнее посетитель, тем больше хлопот хозяевам он доставлял, причем знатные лица считались такими же почетными гостями, как и иностранцы¹³. Мои полевые материалы также свидетельствуют, что гостя из знатной, привилегированной семьи принимали с таким же почетом, как и гостя, прибывшего издалека¹⁴.

Институт гостеприимства у адыгов широко отражен в фольклорных текстах

(сказки, легенды и т. д.). В них также указывается на значимость сословного статуса гостя. Например, в легенде «Кара-Куденет» описано, как к знатному кабардинцу приехал незнакомый гость, бедно и грязно одетый. Князь, увидя его, решил, что гость — низкого происхождения и не вышел его встречать¹⁵. В другой адыгской сказке рассказывается о приезде в княжеский дом незнакомого гостя. Незнакомец имел на груди определенный знак, который символизировал его высокий сословный статус, поэтому его приняли весьма радушно¹⁶. Согласно этикету гости из высших привилегированных сословий должны были оставаться только у равных себе. В реальной жизни это правило соблюдалось не всегда. Примеры, подтверждающие отклонения от этой нормы, находим в архивных источниках. Так, уздень 1-ой степени Анзоров приехал по делам в соседнее село и остановился у простого крестьянина, который, правда, старался принять его как почетного гостя¹⁷.

Наличие у гостя особых личных качеств. Отношение к гостю зависело от наличия у него определенных достоинств, ценимых в кабардинском обществе. Личностные качества были важны преимущественно в тех случаях, когда гость известен окружающим. Например, если он имел плохую репутацию в обществе, то к нему как к гостю относились сдержанно. Если гость был почитаемым человеком, то к нему были особенно внимательны¹⁸.

Цель приезда гостя. Существенно различались гости, приехавшие по делам и приехавшие погостить. «Деловые гости» ценились меньше. Человека, приехавшего специально погостить, в Кабарде называли *хьэц|э ыцэ* («золотой гость»), человека, приехавшего по делам — *хьэц|э блэк* («проходящий гость») ¹⁹. По литературным источникам можно проследить эволюцию данного критерия. В XVII — в первой половине XIX в. «деловые гости» (например, купцы) считались очень почетными гостями. д'Асколи писал: «Если случится гость, будь то знакомый или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почет»²⁰. Когда А. де ля Мотрэ собирался ехать в Черкесию, то ему советовали представляться местным жителям именно купцом, потому что к ним относились с почетом²¹.

Принадлежность к определенной возрастной группе. У кабардинцев гость независимо от своего возраста считался «старшим» (по-кабардински *нэхыжь*). Известно, что понятие «старший» в адыгской жизни изучаемого периода использовалось в разных значениях, в том числе и социальном*. Статус «старшего» в кабардинском обществе предполагал прежде всего наличие у данного лица права на руководство в определенной сфере общественной жизни. Как представляется, о реальном статусе гостя как «старшего» можно говорить лишь с определенной условностью, потому что гость вышеописанным правом не обладал. Он не имел права вмешиваться в какие-либо дела семьи, в которой остановился. За столом гость также не считался «старшим». Застольем руководил кто-либо из старших членов семьи, в которой гость жил. Исключение могло быть сделано лишь для пожилого гостя²².

Интересную информацию по этому вопросу дают литературные источники. Крым-Гирей, будучи в гостях у своего родственника — натухайца, заметил, что ему отводилось в кунацкой (т. е. в гостевом доме, по-кабардински *хьэц|эцц*) второстепенная роль, так как этот натухаец был несколькими годами старше Крым-Гирея²³. Хан-Гирей описал этикет встречи путника и местного жителя. Последний, несмотря на свои лета и значительность, обязан оказать путнику такое почтение, какое младший оказывает старшему. Если местный житель был знаком с путником, то этикет встречи менялся: путник обязан был оказать местному жителю почет, «приличный его летам»²⁴. Ф. Ф. Торнау описывал одновременный прием двух гостей. Тому, кто был старше по возрасту, старались оказывать больше внимания²⁵. Полевые этнографические материалы также показывают, что к гостям пожилого возраста относились с большим почетом. Как представля-

* Более подробно об этом см. *Бабич И. Л. Иерархия общественных статусов в кабардинском обществе (середина XIX—XX вв.) // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.*

ется, при определении «почетности» биологический возраст гостя играл некоторую роль, но важнее был не возраст как таковой, а разница в возрасте между гостем и хозяином²⁶.

Характер родственных связей между хозяином и гостем. При определении «почетности» гостя, наличие и характер родственных связей между гостем и хозяином имели определенное значение. Статус гостя-родственника отличался от статусов прочих гостей. Этнографы делят всех гостей на гостей-родственников (их принимали в жилом доме хозяев) и остальных гостей (их принимали в кунацкой)²⁷. Между гостями-родственниками существовала градация по степени «почетности» в зависимости от характера родственных связей. Особенно ценились родственники хозяина дома, старшие по возрасту родственники, близкие родственники, приехавшие из других селений. Немаловажно и то, что статус путешественника повышался, если он устанавливал искусственное родство с семьей, в которой он хотел остановиться. Для этого путешественник касался губами груди хозяйки дома. Эта традиция установления искусственного родства в рамках института гостеприимства широко описана в литературных источниках²⁸.

Характер дружеских связей между хозяином и гостем. С большим радушием принимали в Кабарде друзей-кунаков. Этот факт часто отмечался путешественниками²⁹. Об этом же свидетельствуют полевые этнографические материалы. На особый статус гостя-кунака обратил внимание В. К. Гарданов, который дал характеристику институту куначества: «Два лица, принадлежащие к различным родам и даже племенам или народностям, вступали друг с другом в близкие дружеские отношения и оказывали друг другу в нужных случаях всяческую помощь и защиту... Кунаки были связаны между собой постоянными и нерушимыми узами дружбы, которой они должны были быть верны... Кунаки заботились друг о друге, о безопасности даже вне дома». Исследователь указал, что близость такого гостя к хозяину подчеркивалась, в частности, тем, что он останавливался не в кунацкой, а в доме самого хозяина³⁰. Любопытно и то, что наряду с искусственным родством путешественники использовали и институт куначества. Они старались обзаводиться кунаками, которые сопровождали их в путешествии. Делалось это для большей безопасности. Орбелиани отмечал, что «...гость, хотя бы и незнакомый, войдя в дом, будет неприкосновенным для всех врагов и уважаем всей семьей, если кто из них побратался или подружился до самой смерти, будет иметь это чувство и не жалеть для друга ни богатства своего, ни жизнь свою»³¹. Об этом же писали и другие авторы³². В конце XIX в. стали появляться кунаки, которые за деньги нанимались сопровождать путешественников. Их называли *гаче*. С. Ф. Давидович, путешествуя по Кабарде, нанял такого гаче, который сопровождал его по Эльбрусу.

Почему именно такая дифференциация имела место у кабардинцев в изучаемый период? По всей видимости, она связана с тремя обстоятельствами. Во-первых, кабардинскому обществу было свойственно деление на привилегированные сословия и свободных общинников. Это отразилось и на гостеприимстве: гости делились на более и менее почетных в зависимости от сословного статуса. Во-вторых, по кабардинской системе ценностей большое значение придавалось наличию особых личных качеств, достоинств, в силу которых человек имел большой вес в обществе. Играло роль и возрастное старшинство. Особое место занимали родственные связи по крови, по браку и по искусственному породнению, наличие которых также играло свою роль при определении «почетности» гостя. В-третьих, так как в рассматриваемый период в гостеприимстве адыги прежде всего ценили возможность общения и получения новой информации, то, естественно, те гости, которые несли эту информацию, становились самыми почитаемыми. Такими гостями были путешественники-иностранцы. С другой стороны, гостеприимство рассматривалось кабардинцами как одна из форм проведения досуга, в силу чего лица, приезжающие специально погостить, оценивались выше «деловых».

Поэтому при определении «почетности» гостя в обычной жизни доминировали такие критерии, как отдаленность места, откуда прибыл гость, незаурядные личные качества, высокий сословный статус. Особенный статус гость приобретал при наличии родственных или дружеских связей. Остальные критерии имели второстепенное значение. Подобные соотношения почитаемых характеристик уже отмечались Б. Х. Бгажноковым³³.

Вышеуказанные критерии считались определяющими в рамках обычной, каждодневной жизни. В особых ситуациях критерии «почетности» могли меняться. Во время свадьбы, например, самыми почитаемыми считались родственники невесты. По-кабардински их называли *нэгыхьышх*. В дальнейшем они уже не были столь почитаемы. Гость издалека, не являющийся родственником, на свадьбе был не столь почитаемым, как это было в обычной жизни. В архивном документе «Дело о нанесении оскорбления старшине селения Тамбиево» описывается свадьба, на которую в числе других гостей был приглашен старшина соседнего селения. В обычной жизни в силу своего должностного статуса он являлся почетным гостем, но на свадьбе «был как другие просто гостем». Старшине это не понравилось³⁴.

В реальной жизни первостепенные и второстепенные критерии переплетались. Один и тот же гость мог сочетать некоторые предпочтительные характеристики с рядом второстепенных. Например, гость мог быть из своего же села (что еще не давало ему права быть принятым с почетом), но если он считался лучшим другом умершего отца хозяина, то его принимали с большим почетом. То же относилось и к гостю, хотя и молодому, но прибывшему издалека, например, из России. Или другой случай: «дальний гость», специально приехавший погостить — это одно, а оказавшийся в доме случайно — это совсем другое. Такие примеры приводят к мысли, что подобные комбинации вносили в реальный характер приема гостей разнообразие, поскольку при различных сочетаниях приведенных характеристик была возможность довольно большой вариативности «типов» гостей.

К сожалению, это обстоятельство исследователями до сих пор было оставлено без внимания. Лишь отдельными авторами отмечались вариации в приеме гостей. Так, Н. Ф. Дубровин и Ф. Ф. Торнау писали, что хотя всякого гостя принимали с радушием, все же «незначительные оттенки в приеме более редкого или почетного гостя» имели место³⁵. Хан-Гиреем было отмечено, что гостю оказывали различные услуги «приличные обстоятельствам и сообразно с званием и летами гостя»³⁶.

Этнографические полевые материалы автора позволяют считать, что у кабардинцев во второй половине XIX — начале XX в. существовала следующая дифференциация в приемах различных гостей³⁷:

- 1 — прием «большого гостя» (по-кабардински *хьэцц|эццхуэ*),
- 2 — прием «дорогого гостя» (по-кабардински *хьэцц|э льяп|э*),
- 3 — прием «важного гостя» (по-кабардински *хьэцц|э дыдэ*),
- 4 — прием «гостя» (по-кабардински *хьэцц|э*).

Прежде чем мы перейдем к характеристике различных приемов гостей, сделаем несколько предварительных замечаний. В основу предлагаемой иерархии положена степень оказываемого гостю почета, проявляющегося, главным образом, в этикетной сфере поведения. Представленная иерархия является первой попыткой типологизации в этом направлении, в силу чего не только не исчерпывает всей проблемы, а требует дальнейшей разработки. И второе замечание: разница между типами приемов гостей в представленной иерархии неодинакова. Если между приемами «большого» и «дорогого» гостей хотя и есть разница, но она все-таки не принципиальна, то между этими приемами и приемом «важного» гостя имеются гораздо более существенные различия.

Прием «большого гостя». К «большим гостям» кабардинцы причисляли: 1) «дальних гостей», приехавших специально погостить, 2) путешественников-иностранцев, 3) гостей, хотя и из соседних селений, но из известных фамилий,

4) гостей, приехавших очень редко и имевших репутацию почитаемых людей, 5) «должностных лиц», пользующихся уважением, в частности: эфендиев, старшин и др. Прием «большого гостя» описан в литературе подробнее других приемов, так как именно такой прием оказывался иностранным путешественникам и русским подданным, побывавшим в Кабарде по служебным делам. Если о приеме гостя было известно заранее, то к нему специально готовились. Иногда хозяин предпочитал встретить «большого гостя» еще в пути. Существовало кабардинское выражение, обозначающее эту традицию — *хьэц|э нежьэ*, что означало «выезд навстречу гостю». Во время такой встречи кабардинцы приветствовали гостей следующим образом. Они прикладывали правую руку к голове и произносили слова: «Ваше прибытие счастливым да будет, добро пожаловать»³⁸. Встреча могла быть и случайной. С. Ф. Давидовича случайно встретили 3 всадника и тут же повернули своих лошадей, пригласив путешественника к себе в гости³⁹. Подобное поведение являлось «жестом уважения, который оказывается важным гостям в этих краях»⁴⁰. Некоторым гостям могли устраивать особые встречи. Дж. Белл описал, как его встречали выстрелами из пушек и оружия. Е. Л. Вердеревский вместе с другими отдохавшими из Пятигорска приехал в одно кабардинское село, расположенное около курорта. Их встречали 200 человек пеших и конных в праздничных одеждах и при оружии⁴¹.

Хозяин обычно помогал «большому гостю» сойти с лошади. Иногда сам хозяин, иногда его слуга или дочь снимали с гостя оружие, которое затем развешивалось в кунацкой. Этот ритуал отмечался многими авторами, которые находили в нем некоторые нюансы. Так, И. Ф. Бларамберг указывал, что хозяин сам снимал оружие с гостя и упряжь с его лошади в том случае, если он был моложе гостя по возрасту или имел низкий сословный статус. Князь И. В. Шаховской писал, что оружие с гостя снимали либо сыновья хозяина, либо его слуга. Иногда либо сам хозяин, либо его дети снимали с «большого гостя» обувь. Для лошади «большого гостя» строилась особая коновязь, помимо той, которой обычно пользовался сам хозяин. В кунацкой такой гость занимал почетное место, на которое клали три подушки⁴². Пока «большой гость» стоял, все присутствующие в кунацкой также должны были стоять. Исключение могло быть сделано лишь для старого хозяина: он мог сидеть даже тогда, когда молодой гость стоял. «Больших гостей» обычно угощали свежей бараниной. Многие путешественники (Е. Л. Вердеревский, И. В. Шаховской, С. Ф. Давидович) отмечали, что для них специально закалывали баранов. В исключительных случаях угощали мясом жеребенка, лани или тура. Г. Х. Мамбетов указывал, что «самых почетных гостей угощали мясом ягненка». Гостю давалась почетная часть животного — определенные куски головы. Любопытно, что «число подаваемых блюд увеличивается со значением гостя». Дж. Белл описал обед, состоявший из 45 блюд⁴³. Особо уважаемому гостю дочь хозяина дополнительно приносила блюдо с овощами и плодами. За столом гостя обслуживали младшие члены семьи. Хозяин во время трапезы должен стоять. Если гость приглашает его сесть, то он мог это сделать.

Для бесед к «большому гостю» приглашались соседи, друзья, родственники хозяина, а также уважаемые люди всего селения. Хан-Гирей отмечал, что когда гость был достоин особого уважения в силу своих лет и знатности, то даже князья и уздени, живущие в соседних селениях, приезжали для его приветствия. Некоторым гостям на ночь мыли ноги. Обычай этот был описан еще в 1625 г. де Лукка. Считается, что ноги мыли всем почетным гостям либо дочери, либо жена хозяина. Г. Новицкий, однако, уточнял, что шапсуги, например, мыли ноги лишь старшим по возрасту гостям⁴⁴. По адыгскому этикету «большого гостя» нельзя было оставлять в одиночестве. Для этого дочери хозяина уделяли много внимания гостю: танцевали и музицировали. «В каждом доме для приема гостей имеется своя скрипка». Е. Л. Вердеревский описывал джигитовку, устроенную специально для него, в которой принимали участие 20—30 всадников, танцы и различные игры. Г. Х. Мамбетов отмечал,

что танцы устраивали для молодых гостей, а для знатных — стрельба, джигитовка, охота, для именитых — приглашались народные певцы — *джегуако*⁴⁵.

«Большим гостям» подносились дорогие подарки и устраивались дальние проводы. Например, Дж. Лонгворта провожала группа всадников, которую возглавлял один из самых выдающихся людей среди адыгов⁴⁶. «Обязанности хозяина в отношении гостя у адыгов не ограничивались лишь такими услугами, как предоставление жилья, пищи, стойла и корма для коня и т. п. У адыгов, как и у других горцев, важнейшей обязанностью хозяина в отношении гостя было обеспечение его личной безопасности и сохранение того имущества, с которым гость прибыл в данный дом. Гость у адыгов был лицом неприкосновенным, и хозяин прежде всего отвечал перед обществом за его безопасность». «Согласно обычному праву адыгов гость находился под защитой хозяина лишь до тех пор, пока пребывал в его доме. Стоило только проезжему случайному гостю покинуть данный дом, как его хозяин не только переставал нести ответственность за безопасность такого гостя, но и мог принять участие в его ограблении и убийстве»⁴⁷. В приеме «большого гостя» могли участвовать и женщины. Радужное участие женщин в приемах отмечалось многими иностранцами. Иногда, как об этом писал Я. Потоцкий, хозяин в знак большого доверия допускал гостя на женскую половину дома⁴⁸.

Прием «дорогого гостя». «Дорогими гостями» могли быть близкие родственники супругов, живущие в других селениях, а также кунаки. Прием таких гостей в этикетном отношении менее сложен, но более душевен⁴⁹. «Дорогой гость» имел право оставаться в доме хозяина столько, сколько хотел (в одном архивном документе описывается случай, когда родственница гостила три месяца⁵⁰). Чаще всего зажиточные кабардинцы имели по две кунаки: одна предназначалась для всех гостей, а вторая — лишь для «дорогих» и располагалась рядом с домом хозяина. Иногда при отсутствии второй куначкой «дорогих гостей» принимали в самом доме хозяина⁵¹. «Дорогого гостя» угощали бараниной. Для общения с ним приглашались почетные старики. Такие гости также удостоивались того, что дочь хозяина приносила блюдо с овощами. Для приезжих родственников и друзей девушки устраивали танцы. Родственникам делали по обычаю щедрые подарки⁵². Следует учесть важную деталь: «большой гость» мог быть одновременно и «дорогим». Гость, имевший помимо качеств, необходимых для того, чтобы стать «большим гостем», родственные или дружеские связи с хозяином, считался «большим, дорогим гостем». К таким гостям могли отнести и человека, имевшего в кабардинском обществе высокий общественный статус. «Большие дорогие гости» принимались не только с почетом, но и с искренней любовью и душевным расположением.

Прием «важного гостя». «Важными гостями» считались родственники из своего же селения, часто бывавшие друзья, «деловые люди». Прием таких гостей не отличался сложностью. Угощали «важного гостя» тем, что было в данное время в доме. Для бесед никого не приглашали. Остаться «важный гость» в доме хозяина мог только в течение трех дней. Подарки чаще всего «важным гостям» не делали, а проводы устраивали недалеко.

Прием «гостя». Простыми гостями считались дальние родственники, проживающие в том же селении, «гости с просьбой», гости-враги и гости-преступники. Принимали таких гостей очень просто: им предоставлялся ночлег и еда.

Своеобразный тип гостя — «гость с просьбой» приезжал в какое-либо селение со своим угощением. После трапезы он мог обратиться к хозяину с какой-либо просьбой. Хозяин советовался с односельчанами, и если они находили просьбу правомерной, то старались сообща помочь ему. К сожалению, в литературных источниках информации о подобных «гостях с просьбой» содержится мало. Лишь у В. Василькова в «Очерке быта темиргоевцев» мы обнаружили сведения об этом обычае⁵³. Достаточно подробно этот обычай изучен в ходе экспедиции сотрудников КБНИИ⁵⁴. Просьбы гостей могли быть самого разного характера. В зависимости от характера просьб различались типы «гостей с просьбой»: а) *уэж-улак* — гость, просивший помочь ему продовольствием, б) *гъхэ|куэ* — гость,

просящий о помощи или защите при ссорах, в) *хъыцэ|џа* — гость, просящий о заступничестве и т. д.

Согласно кабардинским представлениям, если в дом пришел человек, который считался врагом хозяина, то последний не имел права даже показать окружающим, что пришедший в дом — его враг. Такой посетитель принимался как «гость». То же самое относилось и к гостю-преступнику. Он, оказавшись в чужом доме, имел право на безопасность, хозяин не имел права его выдать. Предоставив свой кров преступнику, хозяин должен был постараться примирить враждующие стороны. Могло быть и так: пока преступнику оказывалось гостеприимство, его родственники старались уладить дело. Это правило, однако, не распространялось на тех, кто украл помолвленную невесту или замужнюю женщину, а также на тех, кто убил своего отца или мать.

* * *

Общие изменения образа жизни кабардинцев, происшедшие за годы советской власти (1920—1980-е гг.), значительно повлияли на эволюцию традиционных норм гостеприимства. Для современного института гостеприимства характерны тенденции к упрощению его форм и, главным образом, представляет интерес рассмотрение двух аспектов: 1) критерии, по которым оценивают гостей, 2) современные виды приема гостей.

Как и прежде, у кабардинцев имеет большое значение то место, откуда прибыл гость. Интересно, что такие градации «дальних» гостей как гости, переехавшие 3, 5 или 7 рек, в современном быту не используются⁵⁵. «Дальние» гости, учитывая возможности транспорта, приезжают чаще, чем раньше. Сейчас уже не всякий такой гость почетен. Для того чтобы дальний гость оказался «почетным», необходимы дополнительные «почитаемые» характеристики. Такими могут быть «дальние» гости — родственники, эмигрировавшие в разное время в Турцию, Сирию или Иорданию⁵⁶. Незнакомый «дальний» гость в настоящее время не так сильно почитаем, как в прежние времена⁵⁷.

Продолжают считаться важными при определении «почетности» гостя его личные качества. В целом, в кабардинском обществе личностный критерий при установлении иерархии общественных статусов потерял первостепенное значение. Это повлияло и на его роль в функционировании института гостеприимства: гости, обладающие особыми личными качествами, ценятся теперь значительно меньше, чем прежде⁵⁸. Касаясь сословного статуса гостей, отметим, что хотя потомки князей и узденей в Кабарде известны, но преимуществами в обществе они не пользуются, привилегий в этикете приема таких гостей нет. Значительное влияние оказывает должностной статус гостя в системе административного управления.

Биологический возраст при определении «почетности» гостя продолжает иметь значение. В современной Кабарде наблюдается любопытное явление: с одной стороны, традиционный статус старшей возрастной группы, по сравнению с дореволюционным периодом, безусловно, понизился, но с другой стороны, этикетное оформление привилегированного положения старших не только сохраняется, но даже подчеркивается. Это явление отразилось и на бытовании этикета приема гостей в кабардинском обществе: в нем старшим по возрасту оказывается некоторое предпочтение. Подчеркнем, что биологический возраст в современном институте гостеприимства превалирует над личностным, родственным и даже должностным критериями. Поясним на примерах. Если в гости приехали два брата: 60 и 70 лет, то рядом с хозяином будет сидеть только 70-летний. 60-летний будет сидеть за отдельным столиком. Таким же будет этикет приема в том случае, если младший брат признается более «авторитетным» человеком, чем старший. То же самое произойдет в ситуации, когда одним из гостей является старик, а другим «старший» эфендий: на почетное место посадят старика, несмотря на то, что

«старший» эфендий может быть более уважаемым человеком в обществе, чем этот старик. Пожилого гостя — не родственника посадят на почетное место, а молодой родственник будет стоять в стороне ⁵⁹.

Как и прежде, кабардинцы обращают внимание на цель приезда гостя. «Деловые» гости малочетны. По всей видимости, в связи с увеличением приезжающих к кабардинцам «деловых» гостей, отношение к ним стало еще проще. Почитаемыми «деловыми» гостями могут быть только лица, имеющие высокий должностной статус или те, в ком сам хозяин заинтересован. Как только «деловой» гость появляется в доме, хозяин сразу интересуется целями его приезда. В прежние времена делать это запрещалось ⁶⁰. По мере ослабления важности «деловых» гостей повышается «почетность» тех гостей, которые приезжают специально погостить.

Едва ли не самыми почетными в современном кабардинском обществе считаются гости, имеющие с хозяином родственные или дружеские связи. У кабардинцев продолжает бытовать иерархия «почетности» в среде родственников. Она определяется, во-первых, степенью родства, во-вторых, отдаленностью места, откуда прибыл родственник. Самыми почетными среди родственников считаются близкие родственники супругов и прочие родственники, живущие далеко ⁶¹. Подчеркнем, что сейчас прием гостя-родственника существенно почетнее приема незнакомого человека. Такое различие является нетрадиционным для института гостеприимства у кабардинцев.

В современном обществе акценты при функционировании этой традиции определенно сместились ⁶². Уже давно не бывает гостей-врагов или преступников, тем более — «гостей с просьбами». Подобные традиции ушли в прошлое, хотя отголоски этих явлений можно наблюдать. Так, если в гости приходит человек, у которого с хозяином не очень хорошие отношения, то не принято это показывать. Хозяин обязан принять его хорошо ⁶³. Как и прежде, гости, приехавшие на свадьбу, иначе определяются по степени почетности. Любые «дальние» гости, авторитетные эфендии на свадьбе являются более почетными, чем близкие родственники ⁶⁴.

Во многом изменилась иерархия приемов гостей: менее заметны различия между гостями. Особенно в среднем и молодом поколениях не различают приемы «дорогого» и «большого» гостей, считая их одинаково почетными ⁶⁵. Главным образом лишь представители старшего поколения помнят некоторые нюансы, различающие этикет приемов «большого» и «дорогого» гостя. «Большими» гостями считаются гости — родственники, приехавшие издалека, «должностные» гости. К «дорогим» гостям причисляют редко приезжающих родственников, друзей из соседних селений ⁶⁶. Представления о «важном» и просто «госте» чаще всего сливаются в настоящее время в одно понятие. К таким гостям относят «деловых» гостей, незнакомых людей, часто бывающих друзьями или родственниками ⁶⁷.

Во время приема «дорогого» гостя хозяин выражает больше душевности, чем к «большому» ⁶⁸. Приезд как «большого», так и «дорогого» гостей чаще всего ожидается. Хозяин иногда выезжает навстречу такому гостю. Особенно подобный этикет встречи относится к «большому» гостю ⁶⁹. Таким гостям предоставляют лучшие комнаты для отдыха. Сейчас во многих кабардинских домах есть несколько свободных комнат для гостей. Для бесед с ними приглашают уважаемых людей. Гостя сажают на почетное место, т. е. справа от хозяина ⁷⁰. За столом вместе с гостем могут сидеть только старшие члены семьи. Подчеркнем, что подобный этикет во время застолья особенно относится к «большому» гостю. Провожают таких гостей обычно далеко: либо отвозят на автомобиле домой, либо до вокзала, либо до аэропорта. На прощание таким гостям делают подарки ⁷¹.

Прием прочих гостей упрощен. Не устраиваются ни особые встречи, ни проводы. Угощают тем, что есть в доме. На ночь в кабардинских селениях редко кто остается. Для бесед к обычным гостям никого не приглашают. Подарки не дарят. Иногда для некоторого отличия какого-либо гостя для него могут специально подать к столу курицу ⁷².

Те изменения, которые произошли в бытовании института гостеприимства у кабардинцев, во многом связаны с эволюцией функций этой традиции. К настоящему времени кабардинское гостеприимство «утратило свои социальные функции, уступив место социальным институтам и учреждениям»⁷³. В современном обществе ослабли бытовая и коммуникативная функции этой традиции. Во-первых, сейчас в Кабарде имеется достаточно гостиниц, в которых мог бы остановиться гость. Во-вторых, современный кабардинец не нуждается в той информации, какую ранее ему привозил гость⁷⁴. Учитывая это обстоятельство, становится понятно, почему «дальние» гости, приехавшие по делам, сейчас принимаются проще. Прием гостей продолжает оставаться одним из главных элементов межличностного общения, а также формой организации досуга кабардинцев⁷⁵. Хотелось бы подчеркнуть и новую функцию института гостеприимства: данную традицию постепенно стали воспринимать как «устойчивую черту стереотипа поведения народов Кавказа, как элемент кавказской этнической психологии»⁷⁶. В силу этого традиция гостеприимства продолжает сохранять прежде всего в рамках родственных или дружеских отношений. Эти связи во многом и реализуются через данную традицию. По отношению к чужим, незнакомым людям современное кабардинское гостеприимство, по всей видимости, носит преимущественно декларативный характер.

Примечания

- ¹ Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа. Доклады III-его Международного съезда по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974.
- ² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII—XIX в.). М., 1967. С. 297.
- ³ Мусукаев А. И. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1990. С. 46.
- ⁴ Мамбетов Г. Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов // Ученые Записки Адыгейского института истории. Вып. 8. Майкоп, 1969. С. 230.
- ⁵ Кушхов Х. С. Гостеприимство как регулятор общественного быта кабардинцев в XIX в. // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986 (далее — ОБАБ). С. 125.
- ⁶ Мусукаев А. И. Указ. раб. С. 46.
- ⁷ Там же. С. 46, 70, 76.
- ⁸ Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 179.
- ⁹ Тебу де Мариньи Ж. В. Путешествие в Черкесию // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974 (далее — АБКИЕА). С. 295.
- ¹⁰ Архив Института этнологии и антропологии РАН (далее — АИЭА). Бабич И. Л. Экспедиции в Кабардино-Балкарию. 1987—1990 гг. Тетр. 1. 14, 17; тетр. 2. 1, 5.
- ¹¹ Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 24.
- ¹² Д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарии // АБКИЕА. С. 64.
- ¹³ Чистяков М. Из поездок по России. СПб., 1867. С. 305.
- ¹⁴ АИЭА. Тетр. 1. № 14; тетр. 2. № 1, 5.
- ¹⁵ Баранов Е. Кабардинские легенды. Пятигорск, 1911. С. 24.
- ¹⁶ Адыгские сказки. Майкоп, 1978. С. 199.
- ¹⁷ Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее — ЦГА КБР). Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1353. Л. 16.
- ¹⁸ АИЭА. Тетр. 1. № 14; тетр. 2. № 1, 5.
- ¹⁹ Кушхов Х. С. Указ. раб. С. 125.
- ²⁰ Д'Асколи Э. Указ. раб. С. 64.
- ²¹ Де ля Мотрэ А. Путешествие в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА. С. 120.
- ²² АИЭА. Тетр. 1. № 14; тетр. 2. № 1, 5.
- ²³ Крым-Гирей. Путевые записки // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1990 (далее — ИПАП). С. 94.
- ²⁴ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик. 1978. С. 295.
- ²⁵ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. Т. 53. М., 1864. № 10. С. 419.
- ²⁶ АИЭА. Тетр. 1. № 14; тетр. 2. № 1, 5.
- ²⁷ Бгажноков Б. Х. Прием... С. 179.
- ²⁸ Тебу де Мариньи Ж. В. Указ. раб. С. 313, Чистяков М. Указ. раб. С. 300.
- ²⁹ Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное

описание Кавказа//АБКИЕА. С. 357, 386. *Рейнеггс Я.* Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа//АБКИЕА. С. 212.

³⁰ *Гарданов В. К.* Указ. раб. С. 309.

³¹ *Орбелиани.* Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга (о Кабарде)//Археолого-этнографический сборник. Нальчик. (далее — АЭС). Вып. 17. Нальчик, 1974. С. 230.

³² Описание кабардинцев 1815—1818 гг.//Ученые Записки Кабардино-Балкарского Института истории, филологии и экономики (далее — УЗ КБНИИ). Т. 13. Нальчик, 1957. С. 388; *Хан-Гирей.* Указ. раб. С. 299.

³³ *Бгажноков Б. Х.* Прием... С. 179.

³⁴ ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2400. Л. 2 об.

³⁵ *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Очерки Кавказа и народов его населяющих. СПб., 1871. Кн. 1. Т. 1. С. 71; *Торнау Ф. Ф.* Указ. раб. С. 418.

³⁶ *Хан-Гирей.* Указ. раб. С. 295.

³⁷ АИЭА. Тетр. 1. № 10, 17, 18; тетр. 2. № 1.

³⁸ *Бгажноков Б. Х.* Прием... С. 181.

³⁹ *Давидович С. Ф.* Восхождение на Эльбрус//Исторический вестник. СПб., 1887. № 5. С. 354.

⁴⁰ *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов//АБКИЕА. С. 508, *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1836—1839 гг.//АБКИЕА. С. 472.

⁴¹ *Белл Дж.* Указ. раб. С. 468, 473; *Вердеревский Е. Л.* От Зауралья до Закавказья. М., 1857. С. 158—159.

⁴² *Бларамберг И. Ф.* Указ. раб. С. 22; *Шаховской И.* Путешествие в Сванетию и Кабарду//УЗ КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. 13. С. 414; *Вышеград Я. Д.* Материалы для антропологии кабардинского народа. СПб., 1895. С. 22; *Крым-Гирей.* Указ. раб. С. 90.

⁴³ *Дельпоцо И. П.* Описание кабардинцев, 1908 г.//УЗ КБНИИ. Нальчик, 1986. Е. 137. С. 238; *Давидович С. Ф.* Указ. раб. С. 372; *Мамбетов Г. Х.* Из истории скотоводческого быта кабардинцев во второй половине XIX — начале XX в.//Вестник Кабардино-Балкарского Института истории, филологии и экономики (далее — ВКБНИИ). Вып. 7. Нальчик, 1973. С. 45; *Торнау Ф. Ф.* Указ. раб. С. 419; *Белл Дж.* Указ. раб. С. 474.

⁴⁴ *Лукка Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мигрелов и грузин//АБКИЕА. С. 71; *Бгажноков Б. Х.* Прием... С. 185; *Новицкий Г.* Воспоминание воспитанника первого выпуска артиллерийского училища//Военный сборник. СПб., 1871. № 2. С. 298.

⁴⁵ *Белл Дж.* Указ. раб. С. 475; *Вердеревский Е. Л.* Указ. раб. С. 161—162; *Мамбетов Г. Х.* О гостеприимстве и застольном этикете адыгов//УЗ АНИИ. Т. 8. Майкоп, 1968. С. 230.

⁴⁶ *Лангворт Дж.* Указ. раб. С. 545.

⁴⁷ *Гарданов В. К.* Указ. раб. С. 297—298, 305.

⁴⁸ *Потоцкий Я.* Путешествие в астраханские и кавказские степи//АБКИЕА. С. 233.

⁴⁹ *Бгажноков Б. Х.* Прием... С. 180.

⁵⁰ ЦГА КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 340. Л. 6.

⁵¹ *Дубровин Н. Ф.* Указ. раб. С. 70, 72, 130; Кабардинский фольклор. М., 1936. С. 246.

⁵² Кабардинский фольклор... С. 150, 363.

⁵³ *Васильков В. В.* Очерк быта термигоевцев//Сборник материалов и описаний местности и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1910.

⁵⁴ Архив Кабардино-Балкарского Института истории, филологии и экономики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6, 7.

⁵⁵ АИЭА. Тетр. 1. № 10, 17.

⁵⁶ Там же. тетр. 3. № 1—4, 8; тетр. 1. № 10.

⁵⁷ Там же. Тетр. 3. № 2.

⁵⁸ Там же. Тетр. 1. № 10, 18.

⁵⁹ Там же. Тетр. 3. № 1—4.

⁶⁰ Там же. Тетр. 1. № 18.

⁶¹ Там же. Тетр. 3. № 1, 3, 4.

⁶² Там же. Тетр. 1. № 10; тетр. 3. № 8.

⁶³ Там же. Тетр. 3. № 1, 2, 4.

⁶⁴ Там же. Тетр. 3. № 1—4.

⁶⁵ Там же. Тетр. 2. № 9; тетр. 3. № 1—3.

⁶⁶ Там же. Тетр. 1. № 4, 6, 7; тетр. 2. № 3; тетр. 1. № 10.

⁶⁷ Там же. Тетр. 1. № 17, 19; тетр. 2. № 3, 4.

⁶⁸ Там же. Тетр. 2. № 8, 9; тетр. 1. № 10, 18.

⁶⁹ Там же. Тетр. 3. № 9.

⁷⁰ Там же. Тетр. 3. № 1.

⁷¹ Там же. Тетр. 1. № 10; тетр. 2. № 4.

⁷² Там же. Тетр. 1. № 13, 17.

⁷³ *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 50.

⁷⁴ *Его же.* Очерки этнографии... С. 133—135.

⁷⁵ *Его же.* Межэтнические и внутриэтнические связи и культура общения//Новое и традиционное в культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 264.

⁷⁶ *Анчабадзе Ю. Д.* Прекрасный обычай гостеприимства//Советская этнография. 1985. № 4. С. 120.

The evolution of the customs of hospitality among Kabardins (middle XIX—XX centuries)

The author investigates the traditional hierarchy of the grades of guests, which existed in the traditional etiquette of Kabardins.

Nowadays the institute of hospitality continues functioning within, primarily, the set of kin and friend relations. As to other persons, this institute has but a rather formal character.

I. L. Babich

© 1996 г., ЭО, № 3

Д. Д. Т у м а р к и н

ОТ ПОЛИНЕЗИЙСКОГО КАНОЭ ДО КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ (о Бене Финни и его исследованиях)

Уже первые европейские мореплаватели, открывшие в XVI—XVII вв. островной мир Полинезии, задумывались над тем, как попал человек на участки суши, затерянные среди океанской пустыни. Их догадки, в большинстве своем малообоснованные и порой наивные, в XIX в. превратились в теории происхождения полинезийцев. При всем многообразии индивидуальных точек зрения сложились три основных направления научной мысли в этом вопросе: одни считали, что Полинезия заселена из Азии, другие — из Америки, третьи доказывали, что полинезийцы вообще ниоткуда не пришли, а являются автохтонами, т. е. исконными жителями тихоокеанских островов.

В пользу заселения Полинезии из Азии высказывались многие мореплаватели XVIII в. — Л. А. Бугенвиль, Дж. Кук, Ж. Ф. Лаперуз и др. Но научную базу под эту концепцию одним из первых подвел участник русской кругосветной экспедиции 1815—1818 гг., поэт и естествоиспытатель А. Шамиссо; он указал на языковое родство полинезийцев с малайцами. Отсюда возникло понятие «малайско-полинезийская семья языков», обоснованное в 1836—1839 гг. известным немецким ученым В. Гумбольдом. Другие путешественники и исследователи вскоре дополнили лингвистические параллели указаниями на этнокультурное родство полинезийцев с обитателями Юго-Восточной Азии.

Родоначальником теории заселения Полинезии из Америки, вероятно, был испанский монах Х. Суньига. В 1803 г. он выпустил книгу, в которой подчеркивал, что в тропических и субтропических широтах Тихого океана господствуют течения и ветры с востока, благоприятствовавшие плаваниям американских индейцев в Полинезию, но крайне затруднявшие заселение ее из Азии. Сходные взгляды высказывал в 20—30-е годы XIX в. английский ученый, миссионер У. Эллис. Он, правда, допускал, что далекими предками полинезийцев могли быть древние малайцы. Вместе с тем У. Эллис отвергал возможность заселения Полинезии с запада, из Азии. По его мнению, малайцы или родственные им племена через Берингов пролив и Алеутские о-ва некогда заселили тихоокеанское побережье Северной и Центральной Америки, а уже отсюда часть их потомков «в какой-то последующий период» с помощью попутных ветров и течений перебралась на Гавайские о-ва и о-в Пасхи, а затем расселилась по всей Полинезии.

К середине XX в. теория автохтонного происхождения полинезийцев была отвергнута специалистами как беспочвенная и противоречащая установленным фактам. Подавляющее большинство ученых-океанистов, расходясь в деталях, искало предков полинезийцев в Юго-Восточной Азии и пыталось проследить их миграции через Меланезию и Микронезию. Однако именно в эти годы «американскую» теорию попытался возродить и обосновать норвежский путешественник, исследователь и талантливый писатель-популяризатор Т. Хейердал, совершивший в 1947 г. знаменитое плавание на бальсовом плоту «Кон-Тики» из Кальяо (Перу) до о-ва Рароиа (архипелаг Туамоту). Ученые разных специальностей, изучающие полинезийскую проблему, подвергли аргументированной критике концепцию Хейердала, во многом повторявшего основные аргументы Эллиса*. Но в спорах со своими

* См.: Тумаркин Д. Д. Тур Хейердал и проблема заселения Полинезии // Австралия и Океания. (История и современность). М., 1970. С. 151—173.